

Экзистенция Л.С. Выготского в культурном пространстве XX–XXI веков

С.Н. ЖЕРЕБЦОВ, А.В. СЕРИКОВ

На основе анализа ключевых положений культурно-исторической психологии и экзистенциализма характеризуются некоторые особенности взаимодействия культуры и человека в XX и XXI веке. Отмечается продуктивность для решения многих задач именно интегративного применения культурно-исторической психологии и экзистенциализма, раскрывается взаимообогащающий потенциал этих подходов. Материалом для анализа послужили свойства культуры XX века и особенности бытия Л.С. Выготского. Экзистенция Выготского (его судьба и теория) имеет принципиальное значение для концептуализации идеи о человеке культуры, который востребован с особенной необходимостью в XXI веке.

Ключевые слова: культура, культурно-историческая психология, экзистенциализм, экзистенция, человек культуры.

Based on the analysis of the key provisions of cultural and historical psychology and existentialism some peculiarities of the interaction of culture and human in the twentieth and twenty-first centuries are characterized in the article. There is observed that it is the integrative use of cultural and historical psychology as well as existentialism that can solve a number of problems; the article shows mutually enriching potential of these approaches. The material for the analysis is the characteristics of the culture of the twentieth century and the features of L.S. Vygotsky's being. Vygotsky's existence (his fate as well as his theory) is essential to conceptualize the idea of a man of culture that is of great demand in the twenty-first century.

Keywords: culture, cultural and historical psychology, existentialism, existence, man of culture.

«Я родился в период духовного упадка человечества» [1, с. 23], – писал А. Швейцер, характеризуя состояние общества конца XIX – н. XX века. Так он выразил состояние кризиса буржуазного общества, причиной которому послужило, как он считает, непропорциональное развитие материальной и духовной сторон культуры. Двадцатый век – это век науки, век преобразований. Люди познавали мир, который оказывался не таким, как было принято о нём думать, не таким, каким его предлагало видеть, например, христианство. Новые знания, новая картина мира, новый образ жизни – всё это привело к нивелированию христианских ценностей. Ф. Ницше констатировал: «Бог умер». Кажется, все то, что накопило человечество за всю свою историю, больше не подходило обществу XX века.

Но если нет абсолютных ценностей – у человека нет твёрдой опоры, нет надёжного ориентира. Всего лишь за пятьдесят лет человечество пережило многочисленные революции, репрессии миллионов, две мировые войны, десятки локальных войн, бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, Освенцим и т. д. Кризис культуры, как переломный момент, имеет последствия. Парадоксально в свете сказанного, что одним из следствий кризиса двадцатого века стало представление о человеке как о человеке свободном.

В этой связи обратимся к двум концепциям: экзистенциализму Ж.П. Сартра и культурно-исторической теории Л.С. Выготского. Обе концепции связаны с марксизмом: Ж.П. Сартр создавал свою теорию как дополнение к марксистской теории общества, Л.С. Выготский был убежденным марксистом и непосредственно участвовал в создании новой психологии на основе философии марксизма.

Экзистенциализм появился как реакция на духовный кризис, как альтернатива христианской доктрине и позитивизму, как попытка осмыслить современное положение человека. Л.С. Выготский развивает свою концепцию в 20–30-е годы в условиях «культуры полезности» [2, с. 26], утверждающей образ человека-марионетки. Сам Выготский принял новую советскую власть именно с надеждой и верой в нового человека, в сверхчеловека. Конечно, образы такого человека для него были неотрывны от идеи культуры.

В свое время экзистенциалистов упрекали за то, что они видят в человеке только гнусное и низкое, за то, что они ввергают его в квиетизм отчаянья, лишая смысла человеческую жизнь. Так, Ж.П. Сартр пишет в «Бытие и ничто»: «Абсурдно, что мы были рождены, абсурдно, что мы умрем» [3, с. 551]. А Камю уподобляет человека Сизифу: как человек проживает бессмысленную жизнь, лишь иногда осознавая абсурдность своего занятия, так Сизиф осознает абсурдность своего, спускаясь к скатившемуся вновь камню [4]. Абсурдность жизни связана с непознаваемостью бытия, есть только субъективное осмысление бытия, проект мира, и у каждого он свой.

В ответ на обвинение Ж.П. Сартр пишет: «Не за то ли они им (экзистенциализмом) недовольны, что он, наоборот, слишком оптимистичен? Что, в сущности, пугает в этом учении? Не тот ли факт, что оно дает человеку возможность выбора?» [4, с. 321]. Центральное положение экзистенциализма «существование предшествует сущности» означает, что человек свободен и создает себя сам: «Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам» [4, с. 323]. Таким образом, ситуация бессмысленности оборачивается ситуацией непредзаданности, проект не задан, человек обращен в будущее и создает себя сам. Смысл не задан кем-то, его надо создать, как-то сформулировать для себя. Человек – автор своего бытия и его смысла.

Сходные по духу идеи мы находим у Л.С. Выготского, который от представления о сознании как о «рефлексе рефлексов» в своих первых работах приходит позднее к пониманию сознания как динамической смысловой системы. Затем это у Выготского выразилось в «мечте о будущей психологии как вершинной психологии свободного человека» [5, с. 44]. Л.С. Выготский своей идеей интериоризации, по сути, отрицает заданность человеческой души. Психическое на одном из полюсов существует в объективированной форме, в культурных артефактах, системах знаков, интериоризуя которые, человек научается управлять собой, в чём обнаруживается другой полюс. Т. е. человек есть не только креатура социума (на что указывали многие критики теории), но он сам, обретя в социальной жизни своё Я, становится строителем культуры, создавая все новые артефакты и ценности. По мере вхождения в мир культуры человек становится всё более способным действовать надситуативно. Вот что Л.С. Выготский пишет своим ученикам: «Каждый человек должен знать, где он стоит. Мы с Вами тоже знаем и должны стоять твердо. Поэтому итог: Вы – а не кто-то другой – напишете реакцию выбора, эту главу о развивающейся свободе человека от внешнего принуждения вещей и их воли...» [2, с. 27].

Итак, человек сам пишет «реакцию выбора», строит себя, выводит себя из небытия средствами культуры, тем самым делая жизнь осмысленной, сам выбирает размер, цвет, форму и прочие характеристики камня, который ему придется катить. Там же Л.С. Выготский пишет: «...Нельзя жить, не осмысливая духовную жизнь. Без философии (своей, личной, жизненной) может быть нигилизм, цинизм, самоубийство, но не жизнь. Но ведь философия есть у каждого. Надо растить ее в себе потому, что она поддерживает жизнь в нас...» [2, с. 27].

В связи с вышесказанным возникает несколько затруднений: первое заключается в возникновении мысли-вопроса: человеку все дозволено? Это не так, свобода – понятие относительное, человек ограничен правом другого человека, законами физики, конечностью своего существования. Почему человек должен быть честен, если можно действовать в угоду себе, минуя интересы других? Других можно обмануть, труднее с законами физики, кирпичную стену трудно убедить в том, что ее нет, но и ее можно разрушить. Кажется, что общество ограничивает человека, навязывает ему свои правила. Дело в том, что культура не препятствие на пути к свободе. Повторимся, что именно вбирая в себя мир культуры, человек становится свободным. Культура дает человеку средства, орудия и знания, с помощью которых он может сконструировать свой мир. Культура помогает человеку обрести плотность, конкретность, субъектность. Человек свободен именно потому, что ограничен. Технологизация все большего количества видов деятельности развивает комбинаторику средств, исполь-

зуемых человеком. Каждое средство специфично, оно определено уникальной ситуацией деятельности. Поэтому человек ставится в ситуацию выбора, для реализации которого необходимо напряжение сознания, рефлексивное переживание.

Но не любая идентичность делает человека человеком культуры. Человек культуры не лжет, а ведет диалог, его можно охарактеризовать как гуманную личность – «нравственную, добрую и способную к сопереживанию. Ценищую неприкосновенность жизни и неповторимость каждого человека» [6, с. 151]. Поэтому культурный человек отвечает за то, кем он является. Как пишет Ж.П. Сартр: «...Наша ответственность гораздо больше, чем мы могли бы предполагать, так как распространяется на все человечество. Я ответствен, таким образом, за себя самого и за всех и создаю определенный образ человека, который выбираю; выбирая себя, я выбираю человека вообще» [4, с. 324]. Анализируя жизнь Выготского, мы с уверенностью можем сказать, что он остро переживал такого рода ответственность и показал (своими произведениями и своей жизнью, которая тоже стала произведением), каким может быть образ человека, насколько в человеке может быть явлено человеческое.

Быть человеком культуры непросто именно в силу этой тяжёлой ноши ответственности, она, как доказали экзистенциалисты и как из опыта своих переживаний знает каждый человек культуры, сопряжена с тревогой – тревогой не успеть сделать, сказать, не состояться, не пережить что-то важное. Для Л.С. Выготского личность – это драма, ей свойственна внутренняя борьба, она сама суть переживание и тревога. Личность – это не архив, обретение нового в личностном развитии возможно только через преобразование, через реконструкцию, через отмирание старого. Не случайно Выготский вспоминает слова: «Жить значит умирать» (Ф. Энгельс). В этой связи и стоит обратиться к буквальному смыслу слова «пережить», т. е. пройти сквозь жизнь, быть в постоянном пути и поиске при проектировании жизни, постоянно умирать и рождаться, быть в процессе переделки себя, в потоке жизни, иначе, если не переживать, то, значит, и не жить. М.К. Мамардашвили говорил о том, что человек – единственное существо в мире, которое постоянно находится в состоянии зановорождения, хотя чаще, по выражению того же М.К. Мамардашвили, мы как танки проходим мимо себя. Ответственность за это «мимо себя» лежит прежде всего на субъекте развития, но и на культуре.

Второе затруднение связано с тем, что очень часто человек не знает, что он волен выбирать себя – это может быть связано как с узостью сознания, так и с жесткими условиями. Но, как показал В. Франкл, даже в концлагере можно оставаться человеком. Свобода – тяжёлая ноша, ведь она связана с тревогой и ответственностью. Общество XXI века очень изобретательно в создании методов борьбы с ними (реклама, идеология, поп-культура, поп-психология). Вот уж действительно прав Эрнст Неизвестный в том, что «в свободном обществе никто не может заставить человека не быть рабом» [7].

Проблема свободы и ответственности, культуры человека особенно актуальна именно для общества XXI века – века неопределенности. Можно оценить масштаб этой неопределенности по некоторым фактам: «многие профессии, которые существуют сегодня и по которым готовятся нынешние студенты, в 2004 году вообще не существовали. То, чему учатся студенты на втором курсе в технических вузах, к пятому курсу устаревает, и обучающиеся оказываются в иной реальности. Если телевидению понадобилось около 50 лет, чтобы захватить информационное поле, то ай-пэды захватили его за один-два года» [8]. Но «сверхбыстрая реальность» не самая серьёзная угроза. Как сохранить себя, не впасть в забвение под влиянием такой ублажающей, успокаивающей и понятной каждому поп-культуры?

Что делает человека человеком, что формирует сознание? Обучение и воспитание, то есть система образования, вооружающая средствами овладения миром внешним и миром внутренним, но, главное, принятие и признание человека человеком. Самопринятие, как доверие миру и себе, помогает обрести устойчивость, внутреннюю определенность в век скоростной трансформации реальности. Современная система образования, поэтому, должна отвечать требованиям XXI века, нам нужна «школа неопределенности» [8]. А.Г. Асмолов пишет: «Наша задача – дать ориентировку в мире. Поэтому ключевая задача – научить ре-

бёнка решать задачи в условиях неопределённости. Сегодня в информационном мире нужна школа универсальных действий, нужна школа неопределённости, когда ребёнок не был бы привязан к прокрустовым задачам. В жизни люди сегодня имеют дело совершенно с другим классом задач... Поэтому мы сегодня говорим, что нужна школа неопределённости, когда ребёнок решал бы разные типы задач, готовясь к неопределённым ситуациям в жизни» [8]. Мы же наблюдаем обратную тенденцию: сроки обучения сокращаются путем удаления из программ «ненужных» (как правило, гуманитарных) предметов, в создании образовательных программ все больше ориентируются на подготовку узких специалистов. Не является ли это трендом развития культуры полезности в ущерб культуре достоинства?

В этом контексте и проявляется особая значимость психологии. Возьмем для примера теорию поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина: «Обучение по третьему типу ориентировки подразумевает обучение не вариантам системы, а ее инварианту, и подачу метода работы с этим инвариантом. Ученик сам создает новые варианты. Это дает очень широкую ориентировку, это формирование способностей, а не узких навыков» [9, с. 293]. Ориентация в моральных, нравственных дилеммах поликультурного, разнообразного и динамичного мира представляет наибольшую сложность. Часто разрешение таких дилемм невозможно без осознания человеком себя в пространстве вечности и бесконечности, без определения некоего предельного инвариантного принципа, или ключевой ценности – жизни, например.

В соответствии с констатацией М. Фуко, Бог и человек умерли одной смертью. Нет страсти у современного человека, он десакрализовал мир и жизнь, не воспринимает их как чудо. Нет «благоговения перед жизнью» (А. Швейцер), нет осознания исключительности факта собственного существования. Он являет собой не личность и не индивидуальность, а выступает «социальным индивидом».

Переживания, предметом которых выступает целостная жизнь, жизненный путь, смысл жизни, судьба, наиболее индивидуализируют человека: он один на один с собственной жизнью, смертью, собственным Я. Такие переживания поднимают личность над эмпирической ограниченностью и однократностью существования, одухотворяют жизнь, являются самоценными. Для таких переживаний культура выступает огромным, единым и одновременно удивительно разнообразным функциональным органом. Думается, что современная культура и личность в ней переживают кризис, который вызван острым дефицитом индивидуальности. Чтобы существовать более-менее удобно, не нужно быть индивидуальностью. Быть собой, быть неповторимым – это огромный риск, постоянные противоречия, острые переживания и, следовательно, обострённая экзистенция. Поэтому, наверное, индивидуальность – самая большая роскошь и самое большое проклятие современного человека.

Нормы в пространстве индивидуальности присутствуют, но в «снятом» виде. Они – не императивы, а ориентиры. Рефлексивно переживающему человеку в его жизни ничто не может быть предписано. Его активность есть осознанность, включенность. Любую конвенцию он принимает в расчёт. Нормы ситуативно специфичны, их много, они противоречивы, нужно переживать их динамику в смысловом пространстве личности, чтобы совладать с различными антиномиями бытия, чтобы выработать приемлемое отношение к чему-то или кому-то. Индивидуальность – это сверхнормальный человек, который может на нормы посмотреть сверху.

В разных ситуациях и состояниях человек является индивидуальностью в различной мере. Индивидуальность – это своеобразная актуальность бытия, необыденность жизни, это превращение, приключение, игра. Переживание есть процесс формирования отношения, позиции, идентичности в целом. Переживание есть способ актуализации Я, обострения существования. М.К. Мамардашвили говорит о Я как о точке преодоления хаоса, распада. То, что переживание имеет все признаки игровой деятельности (А.С. Шаров, Й. Хейзинга), не является случайным. Интериоризованная игра, превращенная игра есть переживание. Играть может только индивидуальность. Только индивидуальность может породить чудо, каковым и является жизнь человека превращающегося, творческого, переживающего.

Поляризация антиномий позволяет отчетливее воспринимать эти антиномии. К ключевым из них относится жизнь и смерть. Идея экзистенциалистов о появлении особого качества жизни на фоне осознания смерти получает несколько иную, более глубокую трактовку в очень диалектической теории Выготского. Человек переживающий, стремящийся к максимизации жизни, вычерпывающий для себя потенциал зоны ближайшего развития и тем самым расширяющий эту зону, не просто получает некое новообразование, но оживляет одни личностные потенции за счет умерщвления других, т. е. жизнь и смерть идут рука об руку. Таким образом, именно личностное развитие приводит человека к обостренной экзистенциальной позиции, а отказ от развития, отказ от переживаний есть примитивное биологическое функционирование, есть психологическая смерть, когда «модус фактического» бытия побеждает «модус возможного». Самого Л.С. Выготского все пишущие и рассказывающие о нем характеризуют как человека, который любил жизнь, как человека необычайно жизнерадостного, не обращавшего внимания на бытовые неурядицы. Думается, что такое жизнелюбие обусловлено не только и даже не столько тем, что он долго и тяжело болел туберкулезом и часто слышал от врачей «скверные прогнозы», сколько его стремлением постоянно превосходить самого себя. Обостренная экзистенция Выготского, желание жить на грани возможного обусловлены его переживанием всего нового в психологии и культуре, когда в своей собственной личности, как человек активно ищущий, он наблюдал постоянное отмирание «старообразований» и рождение новых смысловых реальностей, составляющих зону его ближайшего развития и относящихся к зоне очень перспективного развития многих его современников.

Актуальность идей Л.С. Выготского в XXI веке несомненна. В конце XX века академик Д.С. Лихачёв в одном из выступлений сказал: «XXI век будет веком культуры, или его совсем не будет». Для Выготского «прыжок из “царства необходимости в царство свободы” неизбежно поставит на очередь вопрос об овладении нашим собственным существом, о подчинении его себе. В будущем обществе психология действительно будет наукой о новом человеке» [10, с. 436]. Думается, что новый человек Выготского – не тот, которого рисует нам современная позитивная психология, особенно в ее «попсовом» варианте. Мировой финансовый кризис вызвал экономический, а тот – социальный. Социальный кризис должен быть переформулирован и понят как кризис культурный. Самым востребованным для разрешения такого кризиса является не специалист, какой бы то ни было, а человек, осознающий свою свободу и ответственность, открытый переменам, но имеющий определённую и твёрдость в виде жизнеутверждающих ценностей для совершения поступков, которые умножают понимание, свет, искренность, красоту, любовь – проявления жизни в её наиболее возвышенных формах.

Литература

1. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М. : Прогресс, 1992. – 346 с.
2. Асмолов, А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров / А.Г. Асмолов. – М. : Изд-во «Институт практической психологии». – Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. – 768 с.
3. Сартр, Ж.П. Бытие и ничто : Опыт феноменологической онтологии / Ж.П. Сартр. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
4. Ницше, Ф. Сумерки богов / Ф. Ницше / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева ; пер. – М. : Политиздат, 1990. – 398 с.
5. Ждан, А.Н. Энциклопедия Московского университета. Факультет психологии : Биографический словарь / А.Н. Ждан. – М. : Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2006. – 226 с.
6. Коломинский, Я.Л. Социальная психология развития личности / Я.Л. Коломинский, С.Н. Жеребцов. – Минск : Высшая школа, 2009. – 336 с.

7. Леонтьев, Д.А. Пунктирный человек / Д.А. Леонтьев, С.Л. Братченко [Электронный ресурс] // Архив передач. – Режим доступа : <http://gordon0030.narod.ru/archive/1767/index.html>. – Дата доступа : 26.09.2012.

8. Асмолов, А.Г. Школа неопределенности / А.Г. Асмолов [Электронный ресурс] // Радио России. – Режим доступа : <http://www.radiorus.ru/news.html?id=516684>. – Дата доступа : 26.09.2012.

9. Сериков, А.В. Современное состояние и перспективы развития деятельностного подхода / А.В. Сериков // Теоретические и прикладные проблемы современной психологии : материалы XI Междунар. студ. науч.-практ. конф., г. Минск, 21 апр. 2011 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол. : Л.А. Пергаменщик, Л.Н. Рожина, Г.В. Лосик и др. – Минск : БГПУ, 2011. – С. 292–294.

10. Выготский, Л.С. Собрание сочинений : в 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевский. – М. : Педагогика, 1982. – 488 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 17.12.12

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.С. СКОРИНЫ